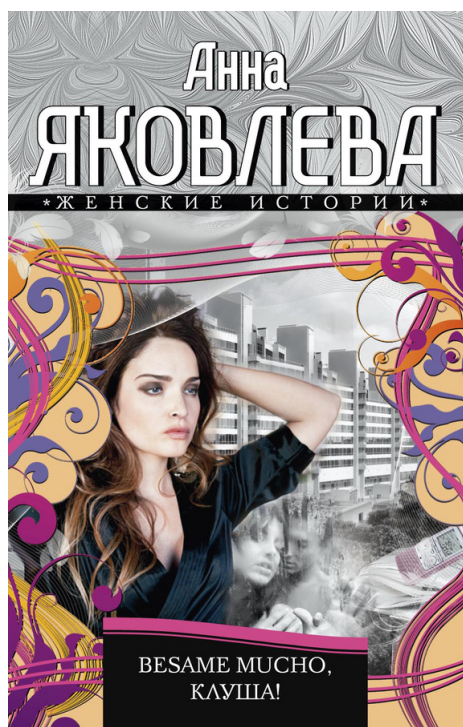

Анна Яковлева
Besame mucho, клуша!

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3946965
Besame mucho, клуша!: роман: ЗАО Издательство Центрполиграф; Москва; 2012
ISBN 978-5-227-03823-4

Аннотация

Журналистка «Губернских ведомостей» Лера Ковалева стала свидетелем позорной сцены с участием ее начальника и мужа Казимира и смазливой практикантки. Лера во всем корила только себя. Свою нерешительность, неуверенность, уступчивость. Выходило, что Казимир справедливо называл ее клушей! Как теперь выходить на работу, как смотреть людям в глаза? Чтобы отвлечь Леру от самоедства, заместитель главного редактора направила ее взять интервью у местной знаменитости – депутата Василия Васильевича Крутова, успешного богатого красавца, умеющего обаять даже фонарный столб. Лера заранее возненавидела этот образчик совершенства...

Анна Яковлева

Besame mucho, клуша!

Все описанные события – вымышлены, все совпадения – случайны.

Старенький телефонный аппарат, который мама уважительно называла «раритет» и категорически отказывалась заменить на радиотелефон, делал минутную передышку и снова надрывно хрипел – Лера прикрутила звонок до минимума. Может, это Казимир?

За шесть дней Казик дважды звонил на мобильный, тем и ограничился. Возможно, уверен был, что выхода у жены нет. Лера готова была согласиться с мужем: возвращение в редакцию было равнозначно возвращению в семью. Муж и начальник в одном флаконе – одно проистекает из другого... Как курица и яйцо. Тьфу!

Звонок не унимался. Лера уже пробовала накрывать аппарат подушками – не спасло. Полузадушенный хрип преследовал в ванной, на кухне и в спальне. Оставалось только перерезать шнур, но вызов электрика представлялся Лере еще большим кошмаром, чем настойчивый треск аппарата.

– Алло? – в нос произнесла Валерия: слезы сделали свое дело, до неузнаваемости изменив не только лицо, но и голос.

– Здравствуйте, я могу услышать Валерию Константиновну? – Резкий, не отшлифованный образованием голос принадлежал Шурочке Величко, секретарше Казимира.

– Нет. Валерия Константиновна на даче. – Лере удалось мамины интонации.

Шурочка приуныла:

– Да? Это из приемной главного редактора звонят. – Ну конечно с ударением на «о» – чего еще ждать от пейзажки. – А как с ней связаться?

– Я передам дочери, что ее искали, – пообещала Лера чужим голосом.

Не успела трубка лечь на рычаг, как попытка тут же продолжилась, и Лера чуть ли не с ненавистью покосилась на телефон. Где только силы берет, подлец! Просто с ума сойти.

– Кончай дурака валять. Девочка моя, ты на работу собираешься? – проявила буднич- ный интерес Галина Бочарникова. Эта не спутает никого и никогда.

Недельные отгулы, в которые не ушла, а канула Ковалева после «драмы на работе», закончились вчера, но Лера не представляла, как войдет в редакцию и окажется под прице- лом нескольких десятков пар глаз. При мысли о свидетелях своего позора Валерию окаты- вала волна жгучего стыда. Оказывается, это стыдно – быть обманутой женой. Об этом казусе Лера размышляла не переставая.

Горе побежденным!

Любимая работа усилиями коллег превратится в пытку.

Нет, коллеги – люди интеллигентные, но это среднестатистическая интеллигентность. А чувство такта – удел избранных.

Может, перейти во внештатные корреспонденты?

Лера бросила контрольный взгляд в зеркало. Пфф.

На нее смотрело пришибленное существо с полным набором первичных и вторичных признаков женщины, заставшей мужа с другой: набрякшие веки, распухшее лицо, отеки, нездоровый цвет лица и взбунтовавшиеся волосы. И облезлый маникюр, до которого ей нет никакого дела.

В таком аварийном состоянии Лера находилась только дважды – после выкидышей. Ее отрицательный резус-фактор никак не хотел уживаться с резус-положительным семенем Казимира.

В остальное время Ковалева посещала бассейн, без фанатизма боролась с лишними килограммами, морщинами и хандрой, которая накачивала из-за нестыковки с материнством. Так в чем ее вина?

Низкий, прокуренный голос в трубке басил:

– Приезжай, – Бочарникова сделала затяжку, – тут дело есть, как раз для тебя.

Лера живо представила, как Галка пыхтит, и даже услышала запах дыма.

– Галь, я не могу. – Признание далось нелегко.

Чего-то подобного Галка ждала от своей подруги:

– Он, значит, может, а ты не можешь? Отлично. Он что, наказал тебя? В угол на горox поставил или, может, пристегнул наручниками к батарее?

– Да, – коротко подтвердила Лера. Именно так она себя и чувствовала.

– Ну что с тобой делать, Лерка? – возмутилась Бочарникова. – Это не ты, это он должен стыдиться и бояться! Этот Иуда! Понятно? Он, а не ты!

Если бы!

– А чего ему бояться-то? – с надеждой спросила Лера.

– Праведного Божьего гнева, не знаю, карающей десницы или там – тебя! Мужчина должен чего-то бояться в своей жизни. Ну хотя бы одинокой старости, как расплаты за свои похождения.

– Старости – это я понимаю, но меня-то – с какой стати? Таких, как я, невозможно бояться по определению.

– А вот это зря. Любая другая на твоём месте устроила бы этой гниде вырванные годы.

– Я тем и устраиваю Казимира, что ничего не могу устроить, прости за каламбур.

– Любой сможет, если захочет, – не согласилась Бочарникова. – Так я тебя жду?

– Хорошо, – решила Лера, – сейчас приеду.

И впервые за много лет подкрасила глаза и губы.

И вспомнила: ключ от «фольксвагена» с мятым бампером она отстегнула от общей связки, когда уходила от Казика, и царственным жестом бросила на комод в прихожей. Значит, теперь она безлошадная.

Тем лучше – не зря накрутилась.

...В маршрутке воспоминания недельной давности накрыли Леру с головой – пока ехала, в тысячу первый раз прогнала в памяти, перетасовала и перемонтировала кадры с поправкой на союз «если»...

...Юбилей газеты «Губернские ведомости» отмечали без фанатизма, хотя поползновения были: горячие головы предлагали пригласить чиновников из «верхних слоев атмосферы» и звезд шоу-бизнеса, но коллектив эту идею зарубил. Большая часть сошлась на том, что праздник надо делать для себя, а не для чужих, и вообще – чем тише, тем лучше.

Совсем тихо не получилось.

Арендовали конференц-зал, пригласили главу департамента по работе со СМИ, постоянных авторов и читателей, выигравших викторину на знание истории города и газеты.

Телевизионщики подсустились с марафоном, коллеги из конкурирующих изданий навязались к главному с интервью, в общем, вышло достаточно бестолково и суетливо и отдавало совком.

«Губернской» газета называлась последние двадцать лет, а в прежние времена это был рупор коммунизма, по этой причине пришлось выказывать уважение еще живым партийным мастодонтам.

Переждав раздачу слонов, редакционный отдел почти в полном составе незаметно слинял, чтобы продолжить пьянку в кабинете ответственного секретаря Тихона Завьялова.

Представительские функции остались исполнять Казимир Дворянинович, два его зама – Галина Бочарникова, сорокалетняя вобла, способная перепить любого мужика, душа компании Гоша Ломакин, балансирующий на грани развода с третьей супругой, – и вертлявая остроглазая Шурочка Величко.

Хозяин кабинета Завьялов и веб-дизайнер Макс Олифер беззлобно переругивались из-за мизерных премий журналистам из фонда губернатора.

Витающие над столом запахи вызывали слюноотделение, отвлекали и сбивали с мысли, и вялый диспут о фундаментальных ценностях сошел на нет.

Под тихий гомон Манана Гевелия – корреспондент отдела информации, застенчивая толстуха с низким грудным голосом, добросовестная и ответственная, как Крупская Н.К., – сервировала стол разнокалиберными редакционными чашками, именуемыми лиможским фарфором, бумагой «Снегурочка» вместо скатерти и одноразовыми в принципе, но уже много раз использованными и оттого слегка деформированными пупырчатыми пластиковыми тарелками.

Когда стол был накрыт, оказалось, как обычно, что бутылок больше, чем закуски, да и та, что есть, перекочевала из кухни Мананы.

Готовила Манана изумительно, аджику делала с грецкими орехами, и эта аджика пользовалась огромной популярностью далеко за пределами редакции, гораздо большей, чем статьи корреспондента Мананы Гевелия.

По-восточному внимательная к начальству, Манана налила Валерочке Константиновне-Лерочке-Лере контрабандную хванчкару, и после нескольких глотков сухого «первая леди» редакции тихим, но приятным голосом затянула Митяева:

– Под животом моста мы пили с ней вино...

– Могли бы лет до ста, – подхватила чистым вибрирующим меццо-сопрано Манька Чижевская, студентка на практике, – мы целоваться, но краток речной маршрут, кончилась хванчкара, поздно и дома ждут, пора!

Ковалева с опаской покосилась на практикантку: вызывающая молодость, низкий лоб, сочный рот, ноги, ноги и еще раз ноги. Самка тарантула в состоянии покоя. Даже не особенно наблюдательная Валерия замечала, как мужчины, включая тех, кто давно выбыл по возрасту из большого секса, в присутствии практикантки распускали остатки побывавших в боях общипанных хвостов.

Казимир с двумя замами, тетки-корректорши и Шурочка ввалились в кабинет, когда коллектив был уже изрядно подшофе, а закуски почти не осталось.

На правах босса Дворянинович потребовал привилегий, согнал с насиженных мест Завьялова с Олифером и угнезвился в «малиннике» – между Шурочкой и Чижевской. Лера оказалась зажатой между Мананой и фотографом Мишей Абрамовым в противоположном углу.

В атмосфере завибрировали соблазн и ожидание запретной любви. Взгляды сплетались и расплетались.

– Вздрогнем, коллеги? – Гриша Резгун – начальник отдела информации – потянулся чашкой с отбитым ушком в сторону руководства. Вместо растянутого внесезонного свитера по случаю юбилея на нем был костюмчик «прощай молодость»: брюки-дудочки, узкий в плечах пиджак и галстук селедкой, только пожелтевшая от табачного дыма седая шевелюра не подверглась насилию.

– Нужно тост сказать, – возмутилась во всю ширину грузинской души Манана.

Казимир прокашлялся.

– Ребята, я поднимаю этот бокал за вас, за то, что вы – настоящие журналюги, журики, акулы пера, – мягко стелил Казимир, – способные «двое суток шагать, двое суток не спать

ради нескольких...», сами знаете – ради гринов! Все сейчас стоит денег. За ваши золотые перья, которые без особого труда конвертируются в валюту.

Коллектив сомкнул чашки.

Творческая зависть, ревность, сплетни, стычки за место на полосе – все суровые будни газетчиков были забыты. После первого тоста, как после причастия, с просветленной душой зачатые друзья кинулись целоваться, признаваться в любви и превозносить друг друга за творческий поиск, талант, стилевую индивидуальность и неповторимость.

В какой-то момент Лере стало тошно от лживых поцелуев – дай-то бог, чтобы от этой воцарившейся атмосферы всеобщего обожания к утру остались хотя бы слабые всполохи веротерпимости.

Ища поддержку своим мыслям, Ковалева искала глазами Казимира и похолодела, увидев поглупевшую от похоти физиономию мужа. Вожделение адресовано было не ей – законной супруге, а практикантке Чижевской.

Воздух вокруг Леры уплотнился, дышать стало нечем.

«Ничего страшного не происходит, ну, пофлиртует Казик – с тебя не убудет», – малодушно успокоила себя жена главного, боясь поднять глаза.

– Подмолодим! – проорал из своего угла Ломакин, поднимая чайный бокал.

Коллектив активизировался, и Ковалева в этот момент поняла, что ни минуты больше не может находиться в компании.

По-прежнему не поднимая глаз, протиснулась через чьи-то колени и локти, выбралась в коридор, радуясь тишине и свободе, и завернула в дамскую комнату. Несмотря на профессию, Лера была неисправимым интровертом и быстро уставала от общения.

Выйдя из туалета, Ковалева постояла несколько секунд в коридоре, привыкая к полумраку и борясь с желанием уйти по-английски, не прощаясь, но мысль, что Казимир опять без нее напьется, остановила, и Лера двинулась назад, в кабинет ответственного редактора, из которого пробивались свет и шум голосов.

Голоса приближались, еще мгновение – и заполненный живыми тенями коридор останется за спиной, но какая-то злая сила заставила Леру оглянуться.

Коридор хранил молчание, лишь в конце загадочно и многозначительно покачивалась на сквозняке распахнутая дверь в приемную с большим окном.

За окном плавали тягучие майские сумерки.

Светящийся синевой оконный проем в одно и то же время пугал и притягивал Леру, как внезапно образовавшееся окно в параллельный мир. Поддавшись притяжению, Валерия процокала каблучками по коридору и вошла в приемную.

Как и ожидалось, Шурочкин аппендикс оказался пустым. Простенькую, но со вкусом подобранную мебель окружала густая тень, усиливающаяся тишиной. Лера собралась уйти, но из кабинета Казимира донесся неясный шорох.

Не насторожившись, ничего не заподозрив, Валерия сделала несколько быстрых шагов по ковровому покрытию, толкнула дверь и замерла на пороге.

Глаза уже свыкли с полутенями и тенями, и Лера разглядела на столе студентку-практикантку, длинные ноги которой обвивались вокруг раздавленной талии Казимира.

Усеянные веснушками и утыканные рыжими короткими волосками руки Казика жадно шарили по частично оголенному телу Маньки и мяти упругую грудь.

Эротические полосы на чулках практикантки, как и безупречной формы грудь – грудь натурщицы, выглядывающую из одежд, словно жемчужины из раковины, – все эти милые подробности Лера скорее угадала, чем разглядела. Как и рыжие волоски и веснушки Казимира – все-таки четырнадцать лет вместе.

Ковалева приросла к полу, перестала соображать, слушала шум в ушах и тупо смотрела на яркое белое пятно рубашки, которую утром гладила мужу, и не желала верить очевидному. К голове медленно приливала кровь.

Мерзость, мерзость, мерзость...

Так вот чем объяснялся интерес Казимира к новому летнему гардеробу, галстукам с геометрическим рисунком и туалетной воде для brutальных мужчин (что вызвало у Леры сдержанный смехок – brutальность Казимир явно путал со склочностью).

Наконец, вот чем объясняются многозначительные взгляды сотрудников за спиной, на полуслове оборванный шепот... Как она могла не замечать?

Сквозь помехи в сознании Лера услышала взволнованное сопрано:

– Казимир, здесь кто-то есть. – И все. И никаких поползновений провалиться под пол со стыда или хотя бы спрятаться, сбежать, оттолкнуть, устыдиться.

Лера Ковалева могла поклясться: в тот момент она физически ощутила, как шевелятся, седеют, меняют структуру волосы на ее бедной голове, а нежная кожа на лице и теле, как трещинами стекло, покрывается густой сетью морщин.

Однако худшее ожидало Леру впереди – пока она, онемев, таращилась на прелюбодеев, в приемную набился народ.

– Казимир Людвигович! – завопила Манана, разгоряченная хванчкарой. – Где же вы? Есть тост!

Манана протащила свои рубенсовские формы между стоящей в параличе Лерой и наличником, ввалилась в кабинет главного редактора и застыла с открытым ртом.

– Ой, простите, – проблеяла Гевелия, как если бы опоздала на летучку.

Медленно, точно нехотя, Лера оторвалась от пола и рванула к себе в кабинет с одной только мыслью: ключи, ключи...

Ключи от машины и дома – вот что спасет сразу от всего: от любопытных взглядов и округленных ртов. От вскинутых бровей и... И от того, что случилось. Случилось, случилось, не прячь голову под крыло, не обманывай себя, клуша, тряпка, рохля, размазня.

Оказавшись в салоне новенького «фольксвагена» с двухнедельным пробегом, Валерия рванула со стоянки, будто за ней гнались. От крутого виража, который заложила при выезде на шоссе, в салоне запахло жженой резиной. В ту же секунду – ни позже, ни раньше – смысл того, что произошло, предстал перед Валерией со всей беспощадностью: измена. Так вот, оказывается, как это бывает! Столкновение с изменой подобно столкновению с груженым бортовым ЗИЛом...

Откуда взялось это сравнение с бортовым, да еще груженым ЗИЛом, Лера не могла бы объяснить, но сравнение оказалось актуальным: подгоняемая детским желанием спрятаться ото всех, на перекрестке Лера въехала в бок черной бэхе, не уступив главную. Со всеми вытекающими.

Мнение водителя БМВ о Ковалевой было однозначным:

– Ах ты, овца облезлая!

За овцой последовали: кретинка, выхухоль, вша платяная, геморройная шишка, мышь сушеная, пьяная улитка, ну и, конечно, дура – куда без нее. Пострадавший перечислил весь зверинец, забыв присовокупить курицу... Подсказать, что ли? Искушение было так велико, что Лера очнулась, выпростала руки из-под подушки безопасности, сплющила ее, насколько смогла, выбралась из машины и оказалась носом к носу с водителем мятой бэхи.

– Ну ты попала! – Зверская физиономия с рассеченной бровью оскалилась.

Запоздалый страх накрыл Леру черным облаком – несколько минут назад она чуть не убила этого громилу с оскалом обозленного бабуина. Каким бы он ни был, у него есть жена или мать, может быть, даже дети.

Периферийным зрением Лера отметила, как рядом с БМВ притормозил джип «инфинити», на дорогу из джипа вывалилась отара крепких парней и дородный мужчина средних лет.

– Валерия Константиновна?!

От звука ни с чем не сравнимого, выдающегося голоса Лера вздрогнула и оторвалась от созерцания вмятины на черном боку БМВ.

С противоположной стороны покалеченной бэхи на нее смотрел Александр Борисович Крашенинников – один из членов правления банка «Русь-инвест» а также один из учредителей родных «Губернских ведомостей», цементного завода, логистического центра и, наконец, обладатель роскошного basso profundo.

Выпускник двух институтов, автоматически вспомнила Лера досье Крашенинникова, плюс два курса консерватории. Точнее, наоборот: сначала консерватория, потом институты. Инвестирует в лесоразработки и грамотно выводит деньги в офшоры. Прокуратура пыталась, но прижать бизнесмена за утечку капитала не смогла. После гибели директора цементного завода проходил по делу в качестве свидетеля. Сорок четыре года, дважды разведен, дочь от первого брака и сын от второго, несколько лет состоит в гражданском браке с моделькой из агентства Pretty Girl. Недвижимость на Родосе и в Черногории. Хобби: рыбалка и вокал.

В досье не вошли такие подробности, как цвет волос объекта – темно-русый – и цвет глаз – серо-зеленый. А также: рост (выше среднего), крепкое, называемое на Руси апоплексическим, сложение и громоподобный голос. Православная церковь потеряла в лице Крашенинникова диакона, а уж что Крашенинников потерял, даже говорить страшно. В минуту гнева физиономия обладателя редкого баса наливалась кровью, а поскольку гневлив Александр Борисович был не в меру, то перманентно сохранял пожарный цвет лица.

Взглянув на Крашенинникова, Лера вышла из оцепенения и полезла в сумочку за банковской картой: с держателем profundo и пакета акций лучше не шутить.

– Голубушка, кто только вам права выдал? – пророкотал Крашенинников.

Расстреляв Ковалеву уничтожающим взглядом, водитель битой бэхи сделал стойку:

– Шеф, тут эта...

– Извините, Александр Борисович, – прижав руки к груди, пискнула Лера.

– Кой черт «извините»? Видал я твое «извините», знаешь где? Оплатишь ремонт.

– Я готова. – Лера продемонстрировала кошелек как знак доброй воли.

– Ты, Костик, не наглей с девушкой, она известный журналист, уважаемый, – пробасил Крашенинников, обращаясь к бабуину, и обернулся к виновнице ДТП: – Поехали ужинать?

Порыв ветра принес не менее густой, чем бас, запах свежего водочного перегара.

– Александр Борисович, куда ж я поеду, надо договориться о стоимости ремонта, – простонала Лера, но ее стон поглотили мощные колебания profundo:

– Кой черт ремонт! Поехали ужинать. Меня ждут в «Европе». Давай, давай! – Александр Борисович оказался совсем близко, ручища, такая же, как голос, могучая, обвилась вокруг талии Ковалевой и потянула в сторону устрашающего джипа.

– Нет-нет, Александр Борисович, я только что с юбилея газеты, устала смертельно и хочу домой, а тут еще это... И вообще...

Лера хотела добавить что-то в свое оправдание, но Крашенинников не дослушал:

– Аа-а! Так вот почему ты вообразила, что одна на дороге! Ладно, поехали, отвезу тебя домой, а здесь, – он кивнул на страдалицу бэху, – Костян все разрулит.

– Нет-нет, – проявила характер Лера, – я сама отгоню машину на стоянку.

– Ну, как знаешь. Привет Казимиру.

Челядь обступила хозяина, и всех, как воронка, поглотил джип.

* * *

Попад наконец домой, Лера, как была, в черном брючном костюме, белой кружевной блузке рубашечного покроя, на шпильках, принялась торопливо собирать вещи, лелея надежду сбежать до прихода Казимира и мысленно подгоняя себя.

«Только самое необходимое, на первое время», – твердила Лера, не очень понимая, что такое «первое время» и что в ее случае – «самое необходимое». Необходимое для чего? Фен, гели для тела, туалетная вода, шампуни и пенки для укладки волос? Несколько упаковок разовых носовых платков и литр валерьянки – вот что необходимо в ее ситуации. А еще лучше мыло с веревкой, но для такого шага она слишком труслива.

Не мудрствуя лукаво сложила то, без чего не обойтись даже будучи в глубоком трауре.

Уже разгрузив полку со своим барахлом, Лера обнаружила на дне прозрачную коробку с новым комплектом белья, похожего на засушенный цветок морозника кавказского с прозрачными бледно-зелеными лепестками, – подарок Казимира на Восьмое марта. Изящное, ручной работы белье осталось невостребованным – Лера не обладала умением соблазнять. Надеть белье и щеголять в нем по квартире? Чушь какая. Вообще, соблазнять мужчину – что может быть неестественнее? Естественно – это когда он соблазняется.

Как ни спешила Лера убраться из квартиры до прихода Казимира, не успела. Видимо, желала слишком многого.

Щелкнул замок, неверный муж вошел и завозился в прихожей.

По каждому шороху и вздоху, по еле уловимым колебаниям воздуха Лера могла с точностью сказать, что происходит за стеной: вот муж избавился от пиджака, вот шарит рукой под тумбой в поисках тапок, вот с кряхтением расшнуровал новые туфли, купленные, очевидно, по случаю интрижки с Чижевской.

Ужас и отвращение охватили Леру.

Захотелось испариться, растаять в воздухе, стать мыльным пузырем, мокрым местом, дыркой от бублика – чем угодно, только бы не видеть Казимира сейчас.

Наконец Дворянинович вошел и в глубокой скорби уставился на почти собранную дорожную сумку.

– Лерка, – выдавил ничтожнейший из мужчин, – прости меня.

Шагнул к жене, схватил за руки и, когда она попятилась от неожиданности и попыталась вырваться, внезапно рухнул на колени:

– Клуша, ну прости! Ну, седина в голову, бес в ребро! Пойми, все проходят через это, все семьи! Потерпи! Перебешусь, успокоюсь, и заживем как раньше. Нам же хорошо было с тобой!

О, с каким огромным облегчением Лера вернулась бы к прежней жизни, такой удобной, налаженной и уютной! С какой радостью сказала бы себе: распыленной на редакторском столе Чижевской не было. Не было, и точка.

Но, глядя на пальцы Казимира, покрытые веснушками и рыжими короткими волосками, Лера ничего не могла с собой поделаться – видела под этими пальцами крепкую грудь практикантки.

– Не трогай меня, пожалуйста, – угрюмо попросила она валявшегося в ногах мужа и попыталась освободиться от порочных пальцев, наверняка еще хранивших воспоминания о чужой груди.

– Не будь идиоткой. – Казик выпустил Леру и поднял округлое тельце на кривоногие ножки. Фавн, чистый фавн. – Куриными мозгами раскинь, куда ты пойдешь? К матери? Будешь по магазинам бегать и супы протертые готовить Норе Максимовне? Ты хоть помнишь, как это делается?

Краем сознания Лера признала правоту мужа: она на самом деле успела отвыкнуть от бытовых забот, привыкла к комфорту. Казимир любил поесть и по этой причине недурственно готовил.

К тому же новенькая посудомоечная машина, приходящая помощница по дому и последняя модель «фольксвагена» освобождали время для работы, к которой Лера испытывала не страсть, нет – настоящую любовь. Глубокое, проверенное временем чувство с робкой надеждой на взаимность.

– Мне нужно подумать, – попросила пощады Лера.

Похотливыми руками, на которые Лера и смотреть не могла без содрогания, не то что ощущать на своем теле, Казик сгреб жену в объятия и даже коснулся шеи лживым поцелуем падшего мужа. От боли и отвращения Валерия издала протестующий возглас, отстранила Казимира и подняла повлажневшие глаза.

– Мне нужно подумать, – на грани срыва раздельно произнесла она. Место на шее, куда впился Казимир, жгло, как от укуса.

– Клуша, я уже обо всем подумал. Расклад такой: ты у меня вот где, – потряс кулаком перед носом супруги преобразившийся Дворянинович, – акции газеты я с тобой делить не собираюсь. Даже не мечтай.

С трудом оторвав глаза от веснушек и рыжих волосков (дались ей эти веснушки с волосками), Лера нырнула под руку мужа, вызвала такси и уехала в пустующую по случаю открывшегося дачного сезона мамину квартиру. Хотя с этим повезло.

Горе побежденным!

Единственное, что удалось за эти шесть дней (время, за которое Господь сотворил землю), – это трезво оценить свои шансы: шансов не было. Манька победила всухую.

Риторические вопросы типа «Почему Казимир перешел грани дозволенного?», «Неужели нельзя было сохранить хотя бы видимость приличия?», «Неужели Казик получил удовольствие от того, что вот так цинично, при всех уронил меня с пьедестала не просто жены, а жены шефа?» так и остались открытыми.

Отчаяние усиливала откуда-то взявшаяся навязчивая идея, что она сама виновата в случившемся. Начиталась псевдопсихологических статей, из которых следовал один вывод: как ты позволишь окружающим, так они и будут с тобой обращаться.

Ну когда это она позволяла Казимиру изменять ей, да еще так нагло, считай, принародно? Так изменять могут либо небожители, либо парии. Более-менее стыдлив только средний класс. Когда это Казимир переквалифицировался из представителя среднего класса в небожителя? Или в парию? Непонятно.

Если они супруги (в значении «парная упряжь»), то почему она за четырнадцать лет не распознала, с кем впряглась в телегу семейной жизни? Значит, пара была случайной? Четырнадцать лет – они могут быть случайностью?

Старый махровый халат в темную клетку, болтавшийся в маминой ванной на случай, если зять останется ночевать, хранил запах не парии или небожителя, а недавнего душевного покоя, стабильности и респектабельности: бергамота, пряностей и сосны. А также обивки новой машины, дорогой кожгалантереи известных брендов, легкого аромата приправ и молотого кофе.

Придется все эти слагаемые благополучной жизни забыть. Или самой придумать и сделать что-то такое, за что платят приличные деньги. Что бы это могло быть?

Лера запахла шалевый воротник, укутала беззащитное, до краев наполненное слезами горло – она и раньше-то была не способна что-то придумать, мыслила предметно-конкретно, а сейчас... сейчас ее вовсе нет...

Еще несколько дней назад Валерия Ковалева была, а потом судьба щелкнула перстами – и Валерии Ковалевой нет. Есть ноль в периоде...

Что лучше: минус или ноль в периоде?

По журналистской привычке Валерия углубилась в семантику и этимологию слов: nullus – никакой – граница между плюсом и минусом, и minus – знак хоть и отрицательной, но все же величины.

Вывод был печальный: лучше минус, чем ноль. С философской, математической и бытовой точки зрения минус хоть что-то собой представляет, а ноль – он и есть ноль. Ничто. Эхо.

У коровьей лепешки на проселочной дороге больше апломба, чем у ноля – сиречь Валерии Ковалевой.

Достоинство – материя нежная, тонкая, и, если его уничтожить, на восстановление уйдут десятки лет, и то если условия благоприятные создавать.

Шесть дней и семь ночей Валерия потратила на то, чтобы восстановить достоинство. Достоинство не восстанавливалось ни в прежнем объеме, ни даже в осколочном виде. Ресурс иссяк.

В природе такое случается.

Полезные ископаемые, например, иссякают – это каждый школьник знает. Кроме Казимира.

С упорством циничного пользователя Казимир брал дары, не заботясь о последствиях, не заморачивался по поводу искусственных посадок, селекции материала, очистки сточных вод и выбросов в атмосферу.

Лера проглотила слезы и еще глубже закуталась в широкий халат: клуша. Как ее можно не унижать, если она клуша? А ведь Казимир ее по-другому давно не зовет.

Если уже быть совсем-совсем честной, Казимир называл ее «клуша», «курица» и, в исключительных случаях, «мировая девчонка». Но мировой девчонкой Лера была давно и недолго, а клушей – все остальное время.

Сначала в шутку или со злости, а потом незаметно приклеилось: клуша и клуша. А Лера играла в поддавки, старалась не обижаться. И даже преуспела. Сначала клушу стерпела, потом «левак». И пошло-поехало.

Наверное, кризис среднего возраста и душевный колтун – эти понятия тоже имеют родственные корни.

Но почему? Почему, почему, почему?!

И Лера впервые задумалась: какие сигналы, какой мессадж посылает ее лицо мужчине?

Шесть дней и семь ночей обманутая жена слонялась по притихшему родовому гнезду, откуда четырнадцать лет назад, как бабочка из кокона, радостно выпорхнула замуж. Оставливалась у окна, за которым буйствовал май, подходила к зеркалу и вглядывалась в отражение, ища хоть намек, хоть какую-нибудь подсказку.

Что можно прочитывать в этом сочетании светлых редких бровей, больших, немного печальных серо-голубых глаз, безвольного подбородка и такого же безвольного рта? Может, черты ее лица слагаются в какую-то роковую надпись? Стоит Казиму ее увидеть, и он читает как по писаному: «Милый, не отказывай себе в удовольствиях на стороне».

Может, доморощенные психологи не ошиблись с диагнозом, может, она заслужила такое отношение? Выходит, она на самом деле позволила так к себе относиться? Значит, она убила свое достоинство сама? Лера ничего уже не понимала.

Сидя в маршрутке, Ковалева разглядывала очищенные от остатков лака ногти, мысленно репетировала свое появление на работе и завидовала нестигаемой воле леди Ди и Хиллари Клинтон. За этими дамами все население планеты наблюдало, а они ничего, сделали

морду тяпкой и все выдержали. Ей, никому не известному заведомо высосанной из пальца экономики зачуханных «Губернских ведомостей», выпало счастье приблизиться силой духа к этим облеченным властью влиятельным особам, а она раскисла. Ценить надо расположение звезд.

Подбодрив себя таким сомнительным способом, скрюченная Лера выбралась из битком набитого маршрутного такси и направилась в редакцию, еще некоторое время пребывая в скрюченном состоянии.

Внутренне распрямиться до конца так и не удалось, и чем ближе она подходила к теряющемуся в зарослях сирени зданию типографии, на третьем этаже которого размещалась редакция «Ведомостей», тем больше слабели ноги и потели подмышки. «Ну вот, теперь от меня не только обманутой женой за версту несет, но еще и козлом», – обреченно подумала Валерия.

Переступив порог редакции, Ковалева тотчас забилась в туалет и достала антиперспирант.

«Ап! И тигры выходят из клетки...» – освежив подмышки, выгнала себя в коридор Лера. Никакой она не укротитель, а несчастное дрессированное животное на тумбе, над ухом которого свистит кнут, а хозяйский голос отдает команды.

Неуверенно потоптавшись перед дверью приемной, Валерия предприняла отчаянную попытку сыграть королеву в трауре и, гордо вскинув голову, открыла дверь в филиал чистильщика.

Завидев Ковалеву, Шурочка пришла в крайнее возбуждение и выпрыгнула из своего закутка между кабинетами, преграждая путь жертве:

– Здравствуйте, Валерия Константиновна! Как я рада! Мы все так рады, что вы выздоровели. Как вы себя чувствуете? – Наглые карие глаза с жадным любопытством шарили по лицу Леры, боясь пропустить следы отчаяния, слез и бессонницы: интерес к себе Шурочка поддерживала самым тривиальным способом – сплетнями.

Роль королевы в трауре осталась несыгранной.

Трусливо пряча глаза, Валерия протиснулась мимо секретарши:

– Все в пределах допустимого, Шурочка. – Голос подвел – дал трещину.

– Да-а? – заинтригованная дрогнувшим голосом Ковалевой, протянула Шурочка. – Ну и правильно. Ну и молодец. И не дождутся, правда?

– Шурочка, меня Галина Измаиловна ждет, – предостерегающе подняла ладонь Лера, уговаривая себя не сорваться в истерику и не заорать. И так уже доставила удовольствие мелкой хищнице-падальщице. Сейчас понесет по кабинетам рассказ в лицах о том, как Ковалева убивается по мужу, – Шурочка была поклонницей Пескова, и пародии ей удавались.

– Да-да, конечно. – Величко повернулась рельефным боком и юркнула назад, за стол, с которого исчезало в неизвестном направлении все, кроме глянцевого журнала и лака для ногтей.

Бочарникову Лера обнаружила в углу кабинета – та сидела на диване и шуршала свежим номером «Ведомостей».

– Привет!

– Привет, – пробасила зам и, не отрываясь от газетного разворота, похлопала ладонью по коже сиденья рядом с собой так, будто Лера была комнатной собачкой. – Ну ты как? Решила разводиться?

Подчиняясь унижительному жесту, Ковалева присела:

– Что еще остается?

– Жизнь себе испортишь и козлу своему дорогу к греху расчистишь, у него башню окончательно сорвет, а все эти карамельки только обрадуются. Так что, подруга, подумай сто раз. – Галина с шумом свернула газету.

– И как ты такая умная одна живешь?

– Девочка моя, – бодро произнесла Бочарникова, – кому нужны умные? Ладно, давай к делу. Крутов обратился за помощью.

– Какой такой Крутов? – Лера еще осмысливала фразу о взаимосвязи одиночества и интеллекта, и фамилия Крутов проскочила мимо сознания.

– Депутат Крутов Василий Васильевич. Ну? Можешь думать о ком-нибудь кроме своего Дворника? – Громоздкая, грохочущая, как железнодорожный состав, фамилия Дворянинович с легкой руки язвительной Галки трансформировалась в Дворника.

Трактовка происхождения фамилии устраивала всех, и Леру в том числе – компенсировала «клушу».

Ковалева старательно соображала: Крутов, Крутов...

– Ах, Крутов! Сладкоголосая птица-говорун?

– Это между прочим. Открою тебе страшную тайну: Крутов – один из наших учредителей, – перешла на шепот Галина.

– Как? Это же запрещено законодательством!

– Акции оформлены на жену Крутова, так что у закона нет никаких претензий к депутату.

– Вот прохиндей! – восхитилась Лера.

Отчасти пройдошливость Крутова объяснялась тем, что у него была счастливая внешность человека, который нравится всем.

Мужчина был харизматичный, умный, в меру циничный и – ну надо же какая редкость для народного избранника! – любого мог заговорить до смерти.

Птица-говорун высокого полета.

Бывший журналист, представитель губернатора по связям с общественностью, Крутов вступил в правящую партию, в которую несколько лет плевался огненной слюной.

Обо всем всегда имел суждение, не боялся вслух комментировать закулисные и подковерные игры в администрации и Законодательном собрании – зарабатывал дешевую славу. Оппозиционеры прочили Крутову большую политическую карьеру, а враги – места не столь отдаленные.

Мнение о Крутове Лера составила из его газетных, радио- и телеинтервью – самой сталкиваться как-то не доводилось, хотя вращались они в соседних сферах.

По мнению Ковалевой, у депутата был кроме словоохотливости куда более серьезный недостаток: внешность депутата ничего общего не имела с неброским оперением Казимира – другого примера под рукой у Леры не было.

Василий Крутов был непозволительно красив, а красивых мужчин Лера подсознательно остерегалась.

Это была не наглая, демоническая красота и не томная, с поползновением в женскую. Василий Васильевич был по-мужски неотразим. Ему бы вести автошоу Top Gear или сниматься в рекламе суперкаров ручной сборки, а не подвизаться в краевой думе.

При виде Крутова женщины впадали в кататонический ступор.

Кого-то сводили с ума карие глаза, опущенные детскими ресницами, насмешливые, глубоко посаженные (отчего взгляд поневоле казался умным), и четко прорисованная линия густых бровей вразлет. Кого-то разил наповал идеальный овал лица, кого-то в самое сердце ранила смуглая кожа и яркие губы, кого-то рост и большие, красивой формы холеные руки – руки хирурга или пианиста, – а особо чувствительные делали стойку от сексуального баритона.

Чиновницы, банкирши, предпринимательницы всех мастей готовы были последнее с себя снять ради обморочного депутата Крутова.

Василий Васильевич был прекрасно осведомлен об эффекте, который он производит на слабый пол, и беззастенчиво этим пользовался. В общественных целях. Например, в заслугу Крутову ставили способность пролоббировать любую самую эфемерную и узкокорыстную программу.

Поговаривали, что Василий Васильевич с помощью откатов за семь лет служения на роду стал небедным человеком, и спортивный комплекс в родном районе – в Черемушках – построил на собственные средства.

При всем при том Крутов в порочащих связях замечен не был и штамп в паспорте читл, как Уголовный кодекс.

– Что, опять протаскивает чьи-то завиральные идеи? – скривилась не столько от предложения Бочарниковой, сколько от собственных мыслей Лера.

– Прямо сразу и завиральные? – отмахнулась Галина.

– А ты не помнишь, как Крутов выбил дотации из федерального бюджета охотничьему хозяйству, якобы в связи с аномально теплой и снежной зимой? Бедным олешкам, видишь ли, из-за ледового наста грозила массовая гибель, и Крутов не мог с этим смириться. Олешки все равно не пережили аномальную зиму, зато Крутов открыл Дом прессы, и теперь считается хорошим тоном проводить там пресс-конференции. А фокус с бесплатными учебниками? А скандал со строительством жилья льготникам? Везде, где мелькает имя Крутова, там обязательно случается утечка казенных средств. Деньги так и липнут к его рукам, – закончила обвинительную речь Лера.

Узкие губы Бочарниковой тронула саркастическая улыбка.

– Да ты просто адвокат дьявола. Должна тебя разочаровать – на этот раз Крутов честно отрабатывает доверие населения, ему нужна поддержка прессы.

– Как же, доверие он отрабатывает, – тоном старой гримзы проворчала Лера. – Наверняка близится к концу срок полномочий, да? Хвосты подчищает.

– Наверное. – Галина равнодушно дернула тощим плечом, обтянутым умопомрачительным платьем-свитером цвета кофе с молоком. – Какая нам разница? Он же не пиар заказывает.

– О чем речь-то?

– Толком не знаю. Встретишься с самим парламентарием, он объяснит. Денек или два поотираешься рядом, чтоб проникнуться.

В ответ на предложение поотираться Лера мрачно фыркнула.

Галина протянула Ковалевой визитку:

– Ну не хочешь, не отирайся и не проникайся, но материал сделай. Сама звони и договаривайся о встрече. У депутата такой акуленьш сидит в приемной, специально выдрессированный, так и хочется послать ее, – добавила Галина.

Не глядя Лера спрянула визитку в сумку, поднялась с дивана и поплелась к выходу.

– И не ходи как ударенная пыльным мешком по голове, распрями спину, голову подними и выражение лица смени, – услышала она вдогонку, – все живы, никто не умер.

«Никто, кроме меня», – мысленно отозвалась Лера.

Последняя жилая пятиэтажка осталась позади, впереди показался пустырь и овраг с распутившейся вербой. Забрызганные дождем вербные (или вербины? – усомнился Крутов) сережки, пожухлые, потерявшие невинность, валялись вокруг материнского деревца.

Дорога поворачивала к военному аэродрому, вдали терялось бесконечное бетонное ограждение, маячили шламбаум и будка охраны.

– Влад, ты поезжай к спорткомплексу, а я пройду, – выходя из машины, попросил водителя Василий Крутов.

«Фольксваген» плавно отчалил.

Крутов с удовольствием проводил ровное урчание двигателя, ощущая силу мышц и гибкость связок, расправил плечи, улыбнулся пепельному небу, огляделся и всей грудью вдохнул насыщенный запах весны.

Одним боком пустырь вплотную примыкал к аэродрому, другим – к лесочку, за которым ютился военный городок.

Военный городок был ровесником Василия Васильевича, возвели его более сорока лет назад, закрыв глаза на близкие грунтовые воды.

Уже через десяток лет это пренебрежение аукнулось: жильцам домов каждую весну приходилось вручную откачивать воду из подвалов.

Крутову до обидного жаль было это место.

По всем признакам пустырь деградировал, постепенно зарастал камышом, заболачивался, его обживали крачки и кулики, а в депутатскую приемную Крутова птицами летели жалобы и звонки, поскольку деградировали коллективно – и лесок, и пустырь, и городок.

Все бы ничего, но сходная участь постигла и детище Крутова – новенький спортивный комплекс, чего Крутов-бизнесмен допустить не мог ни при каких обстоятельствах. Хоть тушкой, хоть чучелком, но комплекс должен окупиться в ближайшие три года, как значилось в бизнес-плане.

У депутата Крутова возникло чувство, что ему придется повторить шестой подвиг Геракла – почистить авгиевы конюшни.

Нетерпеливым жестом Василий отыскал на запястье часы – ну и ну.

На кой черт он отослал машину?

Отец Василия – кадровый военный, прямолинейный и простой человек – приучил сына с детства: уважай людей, не заставляй себя ждать.

А эта курица-корреспондентка у него, слуги народа (в этом месте не лишенный чувства юмора и самокритики Крутов фыркнул), уже украла десять минут.

Упругим шагом Василий Васильевич дошел до тропинки, спускающейся к пустырю, и снова посмотрел на часы. Уже двенадцать минут. Время работает против этой газетной блошки.

Мельчайшие брызги дождя, больше похожего на смог, покрыли лицо и костюм. «Так и быть, для круглого счета еще три добавочных минуты в память о детстве, и все – вызываю Влада», – сказал себе Василий Васильевич. Что за клуша такая? А Леночка ее хвалила, эту журналистку, сказала, стиль есть, приятная манера, сказала, что по поводу места встречи никаких вопросов не задавала, пустырь знает, доберется сама.

Тропинка спустилась в овражек, Крутов легко перескочил ручей, оказался на утоптанной полянке и замер, захваченный воспоминаниями.

Все детство Василия Васильевича прошло на этой части суши, в этом городе, в этом районе и, черт возьми, на этом пустыре. Здесь мальчишками они устраивали гонки на мопедах, здесь сходились стенка на стенку, здесь тискали девчонок по кустам.

Здесь Павлика Подрезова сбил лихач, и друг детства остался инвалидом.

Наверное, поэтому Василий и построил спортивный комплекс, наверное, поэтому так ревностно следил за здоровьем и не потерял спортивную форму, а ему уже сорок два.

Шурочки в приемной не оказалось, в связи с чем у Леры моментально развилась мания. Можно было не сомневаться: секретарша уже изображает обиженную судьбой Валерию Ковалеву перед благодарными зрителями.

– Через полчаса Василий Васильевич будет ждать вас в Черемушках на дороге у пустыря, – ошастливила референт-акулениш.

– Где-где? – Лера поперхнулась. Ну и место выбрал народный избранник. Может, сразу на кладбище?

– На дороге у пустыря, – оптимистично подтвердила трубка.

Невероятно, но Крутову уже удалось испортить ей день: времени на обед и на то, чтобы переодеться, не осталось. Придется ехать в джинсах, которые Лера надевала в минуты полного к себе равнодушия, и легкой льняной курточке.

Референт-акуленьш (наверняка ноги из-под лопаток, блондинка и «миска», тут же убедила себя Лера) и не подумала предложить машину, значит, придется брать редакционную, а делать этого по какой-то причине не хотелось.

Старательно избегая мыслей на эту тему, Ковалева сунула блокнот и диктофон в сумку, перехватила волосы резинкой, смастерив живописный не то хвост, не то пучок, в таком виде выскочила на дорогу и принялась отчаянно голосовать.

Поймав немытого частника, упала на сиденье и зомбированным голосом произнесла:

– Пустырь в Черемушках.

Водитель кинул на Леру недоумевающий взгляд, но от вопросов воздержался.

К тому моменту, как Валерия высадилась у пустыря, пошел мелкий дождь, больше похожий на мокрую пыль.

Разумеется, на встречу Лера неприлично опоздала, и это обстоятельство только усилило раздражение против Крутова.

Импозантный и респектабельный, в дорогом (кто бы сомневался!) светлом костюме со стальным отливом, без зонта, Крутов мерял шагами асфальт.

На обочине красовался новенький серебристый «фольксваген» (той же модели, что у нее, только со спецпропуском на лобовом стекле), видимо выбранный в тон костюму. Это в то время, как ее «фольксваген» и в целом жизнь скомканной бумажкой полетели в отхожее место.

– Здравствуйте.

Валерия сконфуженно перебежала дорогу и наткнулась на сердитый взгляд партайгеноссе В.В. Крутова.

Из груди Леры вырвался вздох – ее снова назначили крайней.

«Перебьешься, блин-павлин», – внезапно ожесточилась Лера.

– Вы всегда опаздываете? – Крутов и не пытался скрыть раздражение.

– Всегда, когда меня не подвозят. – Перед депутатом так и тянуло оправдываться.

– С каких это пор корреспондентам «Ведомостей» не дают транспорт?

«А с тех самых, как они уходят от мужей главных редакторов», – мысленно ответила Лера и почти с головой нырнула в сумку. Достала блокнот с ручкой, изображая готовность к работе, и преданно уставилась на политического божка, еще не начавшего бронзоветь, но подающего надежды.

Топовый (по местным меркам) депутат абсолютно непочтительно рассматривал собора.

В пасмурном свете дня Лерина кожа казалась совсем прозрачной, серо-голубые глаза смотрели с обидой, хотя обида скорее относилась не к нему, а к чему-то или кому-то другому.

На самом деле Лера только сейчас осознала, почему не воспользовалась машиной издательства, – причина была в Денисе Ивановиче, их редакционном водителе, еще одном большом любителе перемыть косточки сотрудникам. Лера столько раз осаживала пенсионера, что он перестал с ней судачить о разных интригующих подробностях из интимной жизни коллег. Но другие-то вряд ли останавливают старичка...

– Какие у нас планы? – Лера открыто посмотрела на Крутова.

Мужчина с такой внешностью не может быть умным, порядочным и чутким, уговаривала она себя. Все удачные интервью – результат профессиональной склейки и монтажа. Такая внешность сама по себе – большая глупость и зло. Зачем мужику быть красавцем, если не с целью искушения? Скольких он соблазнил, этот Аполлон? Нет, не Аполлон. От

Аполлона веет холодом, а этот – живой и горячий. И гарцует, как необъезженный жеребец, только копытом не бьет. Сколько же ему лет, интересно? Не износился совсем, поди, на своей непыльной работенке.

Ветер донес со стороны журналистки нежный, едва различимый аромат, и Крутов забеспокоился.

Совсем недавно Василий узнал, что насекомые вырабатывают феромоны и находят друг друга по запаху, и был этим крайне заинтригован. С ним всю жизнь происходило то же самое. Он, сколько себя помнил, всегда был равнодушен к запаху чистого женского тела, а с возрастом все больше доверял обонянию.

Встретив заинтересованный взгляд Крутова, Лера сбилась с мысли, ощутила себя женщиной и смутилась.

Неудачный день. Неудачный год. Да и жизнь в целом тоже... Как оказалось...

– Да. Какие у нас планы? – Василий уже выбрал тактику поведения – насмешливо-покровительственную.

– Василий Васильевич, вы не будете против, если мы с вами несколько дней проведем вместе, в тесном контакте? – спросила и поняла, что вышла совсем уж двусмысленность.

А павлин-то хорош! Нет бы помочь корреспонденту выкрутиться из щекотливой ситуации. Стоит, смотрит с усмешкой в глазах. Донжуан Мценского уезда. Нашел время. Дождь, а он глазки строит.

Намокшая шевелюра абсолютно не портила парламентария – наоборот, черные волосы с легкой сединой блестели от влаги, гармонично перекликаясь с искрой в глазах и переливами костюмчика, в то время как Лера чувствовала себя жалкой мокрой... курицей.

– Девушка, я не выношу людей, которые опаздывают, – доверительным тоном сообщил Крутов, – вы же не на свидание приглашены, правда? Я вас ждал, между прочим, время потерял. – Крутов возвышался над Лерой и давил на совесть.

– Василий Васильевич, если я вас раздражаю, позвоните шефу, скажите, что отказываетесь работать со мной, и вам пришлют другого корреспондента, – с готовностью подсказала выход Валерия.

Лера тихо злилась, и эта злость помогла выдержать взгляд павлина – пристальный, пронизывающий, мужской.

Чем дольше Крутов смотрел на собкора, тем больше хотелось смотреть. Неброская красота полевого цветка затягивала, как гениальное полотно. Славное лицо, едва заметный макияж, узел на затылке. Пухленькая, но формы точеные, а руки как у английской королевы. Комплексует из-за джинсов – они явно полнят. Возможно, расстроена ссорой с близким человеком? Внезапно мелькнувшая догадка легко, по касательной ранила Крутова.

А может, и первое, и второе. И зачем весь этот груз таскает с собой на работу? Если неловко чувствует себя в джинсах – на кой черт напялила? Если ссора с близким человеком так отражается на работе – зачем ссориться?

И смотрит на него как жертва на маньяка, мгновенно разозлился Крутов.

– Отлично. Пожалуй, я воспользуюсь вашим советом, позвоню Дворяниновичу и попрошу, чтобы прислали другого журналиста, – мрачно заявил Василий и сел в машину, оставив Леру стоять на дороге под дождем.

«Фольксваген» мягко тронулся, мигнув габаритными огнями, развернулся прямо по двойной сплошной и скрылся за лесочком, напозавшим на дороге.

Такой наглости от дамского любимчика и светского льва Ковалева не ожидала. Не в связи с нарушением правил дорожного движения, а в связи с отсутствием этой самой светскости.

Выйдя из ступора, Лера подняла глаза к морозящему небу, раздула щеки и выдохнула:

– Пфф.

Неудачный день. Неудачный год.

До остановки было километра два, если не больше. Волосы уже прилипли к голове, да и льняной курточки надолго не хватит.

Ковалева достала телефон и попыталась вызвать такси – фиг вам, батарейка разрядилась. Странно было бы... Она скоро не то что телефон забудет на подзарядку поставить, а имя-отчество свое не вспомнит.

И Валерия обреченно поплелась по безлюдной дороге в обратном направлении.

Однако уже через десяток шагов перестала обижаться на судьбу и предалась созерцанию.

Как давно она не была просто за городом, просто на природе. Родным красотам Казя предпочитал чужие острова. А как красиво здесь, елки-палки.

Низкие облака покоились на макушках деревьев, легкий туман укутывал прошлогодние метелки тростника, розовый тальник вдоль ручья и молодую зелень черемухи, размывал, делал прозрачными очертания и краски. Левитан отдыхает.

Похоже, рекламный мужчина прав, пустырь превращается в болото – вон утки и еще какие-то болотные жители садятся прямо в камыш.

Медленно бредя вдоль дороги, Валерия присматривалась к зарослям в канаве, прислушивалась к беспокойным крикам птиц и чуть не налетела на крутовский «фольксваген».

Машина стояла на повороте перед съездом на проселочную дорогу под единственной уже серебристо-зеленой ветлой.

– Садитесь, подвезу! – буркнул Крутов, высунувшись из машины.

Лера уже хотела с достоинством отказаться, но вовремя вспомнила, что достоинство ее несколько дней как попрано. Ускорила шаг и юркнула в салон.

Крутов осторожно, боясь разочароваться, принялся: несмелые запахи чистоты и нежности стали отчетливыми. Ни о каком разочаровании речи не могло идти – речь могла идти об опасности и бегстве по пересеченной местности куда глаза глядят.

В машине было сухо, тепло, ароматизатор на панели источал запах леса, а поскольку Лера сидела за спиной у Крутова, его сокрушительная красота не действовала ей на нервы, и Лера расслабилась. Оказалось, преждевременно.

– Так что будем делать? – не оборачиваясь, спросил Василий Васильевич.

Лера не поняла, кому был адресован вопрос – ей или молчаливому, остриженному под ноль парню за рулем, и сочла за лучшее про молчать, и так уже успела наговорить лишнее.

– Девушка, что молчите? – Скульптурной лепки голова повернулась вполоборота, и Лера с мстительной радостью лицезрела негероический профиль. Должно быть, записной красавец не знал, что в этом ракурсе он теряет очки.

– Василий Васильевич, – как могла, надменно произнесла Ковалева, протягивая удостоверение, – хочу напомнить: я журналист, собственный корреспондент газеты «Губернские ведомости» Валерия Ковалева.

Крутов даже не взглянул на удостоверение:

– Вы не ответили. – Доморощенный политик то ли не жаловал журналистов вообще, то ли за что-то недолголюбил собкора Ковалеву персонально. Знать бы за что.

– Будем работать, – с напускным оптимизмом сообщила Ковалева, наслаждаясь изыском в облике Крутова – незначительным искривлением носа, который обнаруживался, если смотреть сбоку и немного снизу, с той позиции, в которой находилась Лера.

– А поконкретней можно?

– Вы будете заниматься своими обычными делами, а я буду рядом, как ваш биограф.

– И в результате сочините слезоточивую историю для домохозяек о трудовых буднях депутата Крутова?

– Почему же слезоточивую?

– А разве это не ваш стиль: писать мартирологи по поводу вырубленных лесов, загрязнения рек, атмосферы и почвы? На самом деле, – упредил Крутов Лерин возмущенный вопль в защиту природы, – вы неверно информированы, мне от вас такая жертва не нужна, вам не придется проводить со мной много времени. Я вам вообще не нужен. А на пустыре мы встретились, чтобы вы убедились своими глазами, что ситуация аварийная, грунтовые воды топят военный городок. Но если вам это все неинтересно, то не стоит и браться за статью. Насильно мил не будешь, так ведь? – Крутов обернулся к Лере и одарил игривым взглядом. «Что, птичка, попалась?» – читалось в этих лукавых, не знающих отказа глазах.

От этого взгляда Лера задохнулась, как на шквальном ветру. Хозяин «фольксвагена» уже отвернулся, а Лера все не могла восстановить дыхание.

Внутренний голос подсказал, что это провокация, но Лера повелась:

– Василий Васильевич, а хотите, потрясем ваших избирателей? Представим вас спасителем и перечислим все ваши подвиги. Могу изложить события в духе эпических сказаний. Таковую, знаете, наваяю оду: «Слово о Крутове». Как у Ломоносова, «На день восшествия Елизаветы Петровны...» – в смысле, на всероссийский престол.

Кожаное сиденье под Крутовым заскрипело, он положил локоть на спинку и с интересом воззрился на собственного корреспондента «Ведомостей». Еще упругая щека образовала складку и нависла над белоснежным воротником рубашки – куда смотрит личный имиджмейкер?

А Лере точно вожжа под хвост попала.

– Царей и царств земных отрада, – декламировала она, возведя глаза к обтянутому перфорированной кожей потолку «фольксвагена» и помогая себе рукой, – возлюбленная тишина, блаженство сел, градов ограда... Так пойдет? Или классицизм не уважаете? Хотите ближе к сегодняшнему дню? Может, тогда сатира? Кого предпочитаете?

Крутов отвернулся, удобно расположился в кресле, поправил пиджак и галстук, стряхнул несуществующую пылинку с колена и бросил водителю:

– Влад, в «Утку».

– Как прикажете, – тихо отозвался водитель, мягко грассируя.

– Фонвизина, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Ильфа и Петрова? – несло Леру. – Выберите, я подстроюсь. Фельетон или памфлет?

– Талант, – веско протянул Крутов и показал головой на заднее сиденье.

Влад хмыкнул.

– Спасибо, – кокетливо отозвалась Ковалева и поняла, что выдохлась. Обида на самолюбленного хлюста схлынула так же внезапно, как поднялась, но теперь на смену ей пришла досада. Идеальные пропорции спутника, умный взгляд, красивый своевольный рот и все, о чем Лера не знала, но догадывалась, никакого отношения не имели к ней, неудачнице и клуше.

– Остановите машину, пожалуйста, – устало попросила Валерия, увидев в окне крытую остановку. Галкина идея отправить ее к народному избраннику не понравилась Лере с самого начала.

– Ну уж нет, – неожиданно резко ответил Крутов, – теперь вы со мной обязаны отобедать.

– Это что, месть?

– Если хотите – да. Боитесь?

– Конечно, боюсь – закормите разговорами.

– А вы язва, уважаемая.

– Приходится, – извиняющимся тоном признала Лера.

– Лучше подумайте над планом работы. Я вам письма передам, вы отберете самые отчаянные, и потом решим, что и как написать.

Лере показалось, что она ослышалась.

– Как написать что?

– Статью.

– Вы будете меня учить?!

– А вы, конечно, уже все давно знаете, и учить вас – только портить, как я понял.

– Ну раз поняли, остановите машину.

– Успеете. Сначала обед.

Вот. И этот тоже что-то прочитал на ее лице и не церемонится.

«Фольксваген» нырнул в проулок, Лера закрутила головой, стараясь понять, куда ее привезли.

Они подъехали к угловому одноэтажному зданию с остекленным фасадом, водитель остановил машину перед обнесенной якорной цепью парковкой, вышел и открыл Лере дверь.

Лера взглянула на парня – широкое славянское лицо со смешливыми глазами выдавало добряка, и даже устрашающе лысый череп был не в состоянии что-то изменить. Лера сразу почувствовала расположение к водителю, в отличие от его шефа, и улыбнулась открытой улыбкой.

– Спасибо, – ставя ноги на асфальт, любезно поблагодарила она.

О пафосном ресторанчике, куда привез ее Крутов, Ковалева была наслышана. «Жирная утка». Европейский уровень, средиземноморская кухня и строгий запрет на джинсы. Лера не соответствовала установкам ресторана, а костюм Крутова только подчеркивал это несоответствие.

Крутов уже вышел из машины и как-то странно посмотрел на Ковалеву.

– Прошу, – направляясь к двустворчатым дверям, пригласил он свою гостью.

Похоже, мужчина знал, что делал, и Леру отпустило.

Но пока она семенила за высокой фигурой, снова почувствовала сомнение, а когда они проходили мимо зеркальной стены перед входом в зал, Валерия увидела свое отражение и пожалела, что не умерла в младенчестве. Понятно, почему Крутов так странно смотрел на нее.

От дождя волосы прижались к голове, из пучка на затылке, наоборот, свисали намокшие пряди, но самое ужасное – тушь отпечаталась венчиком вокруг глаз, и вид у Валерии был клоунский.

– Я сейчас, – мрачно бросила Лера и умчалась на поиски дамской комнаты.

И там, стоя перед зеркальной рамой, на полу из черно-белой, уложенной в шахматном порядке плитки, Лера с отвращением признала:

– Клуша.

Зачем нарядилась? Чтобы ощутить себя женщиной? Поздно. Казимир уже спутался с Чижевской. Раньше надо было думать.

И снова в голове замелькали обрывки из статей психологов из серии «не так летишь, не так свистишь», прививающие комплекс неполноценности. Шейпинг, шопинг – все, что призвано омолаживать и украшать, – это все не для нее. Она несовременная – вот в чем главная проблема. И ей уже никогда не будет двадцать. Будет тридцать шесть, тридцать семь, тридцать восемь...

Лера стерла отпечатки туши над и под глазами, припудрилась, расправила плечи, как советовала Бочарникова, и вышла в зал. Какая есть, такая есть. Что выросло, то выросло. Обмену и возврату не подлежит.

Но, подходя к столику, за которым восседал этот седеющий жеребец Крутов, запаниковала и взмолилась: «Господи, мне бы только поскорее все закончить с ним и уехать домой». При мысли о доме сердце заныло так сильно, что Лера не заметила выгнутую ножку стула

под Крутовым, споткнулась и с шумом приземлилась на свободное место. Дом ее там, где Казимир!

– Осторожно! – придержал ее под руку народный избранник и принялся. И уловил отчетливый пряный аромат разогретой под солнцем степи: божественной травы тимьяна, полыни, пижмы. Головокружительный дух исходил от мокрой журналистки. Запах – это визитная карточка женщины, ее лицо. Кстати, о лице: на журналистке лица не было.

– Что с вами? Вам плохо? – забеспокоился Василий.

– Нет-нет, – вымученно улыбнулась Лера, – банальный кинетоз.

– Что за кинетоз?

– Транспортная болезнь.

– Выпейте. – Крутов наполнил коньячные рюмки себе и Лере.

– Я на работе не пью.

– Да бросьте вы, пейте, – нежно, но настойчиво потребовал Крутов.

Очевидно, именно с этими интонациями депутат Заксобрания продавливал любую лабуду, вроде программы поддержки малого бизнеса, когда все понимают бесперспективность затеи в холодном налоговом климате.

Лера сдалась, опрокинула рюмку и прислушалась к себе. Голодный желудок согрелся, узел, в который был завязан организм с юбилея «Ведомостей», ослабел. Вот чем надо было лечить депрессию – коньяком. Как она могла забыть о таком простом и эффективном средстве? Травила себя валерьянкой, а валерьянка, по последним данным, снижает память.

Еще от стресса помогает мужчина. Желательно такой.

Лера взглянула на Крутова. Тот изучал ее внимательным взглядом доктора на приеме.

Лера смущенно попросила:

– Не смотрите на меня так, пожалуйста.

– Вам лучше?

– Лучше.

– Я заказал рыбу, – сообщил депутат и объяснил, увидев удивление на Лерином лице. – Женщины в основном предпочитают рыбу.

– А мужчины блондинок, – усмехнулась Лера.

– Ну, вам-то беспокоиться не о чем.

Лера выпрямилась на стуле – красивый мужчина и коньяк оказались ловушкой.

– В каком смысле?

– В том смысле, что вы не блондинка. Я в этом разбираюсь.

– Еще бы, – пробормотала Лера и с вызовом посмотрела на Крутова: – Что еще вы можете сказать обо мне?

Определенно коньяк и красивый мужчина втягивали Леру в интригу.

Депутата игра тоже увлекла.

– Что вижу перед собой привлекательную молодую женщину, умную и талантливую, но закрытую на все замки и неуверенную в себе. – Василий наполнил стопки, будто собиравшись выпить за сказанное. Звучало на самом деле как тост.

– Наверное, поэтому от меня муж и ушел? – под действием коньяка вырвалось у Леры.

– Да бросьте, – заявил Василий Васильевич и откинулся на спинку стула. Выглядел он озадаченным.

Под умным сочувствующим взглядом Лера испытала прилив жалости к себе и единым махом осушила вторую стопку.

Депутат творил чудеса. За неделю затворничества у Леры ни разу не возникло желания найти уши, а здесь, в полумраке заведения, под коньячные звезды обманутая жена только и делала, что пресекала тягу к откровенности.

– Ушел. – Крутов не спрашивал, Крутов утверждал.

– Ну, не совсем ушел. Но изменил.

– И вы узнали об этом.

– Я... Да, я узнала.

Крутов скрестил руки и откинулся на спинку стула:

– Либо вы чего-то недоговариваете, либо ваш супруг – идиот.

– Я недоговариваю, – легко согласилась Ковалева, чувствуя усиливающееся желание обнажить душу. И не только душу, что характерно. – На самом деле я застала мужа с любовницей, так что он идиот.

– С юмором у вас полный порядок, значит, все образуется.

Взгляд Крутова потеплел, и Лера пожалела, что этот взгляд принадлежит Крутову, а не любому другому мужчине. С любым другим у нее был бы шанс, а рядом с Крутовым она нажила бы себе комплекс Василисы Премудрой: вроде всем хороша, но... лягушка. Клуша – в ее случае.

Голова слегка кружилась то ли от коньяка, то ли от этого записного обольстителя, по совместительству политика. Неужели они там, в Заксобрании, все такие? Лере показалось, что она пропустила что-то важное...

Наконец им принесли заказ, и Лера вспомнила:

– Так о каких письмах вы говорили, Василь Василич?

– О письмах жителей военного городка.

Не забывая подливать Лере коньяк и не скупясь на критические замечания в адрес администрации и военных, Крутов изложил ситуацию с затоплением домов. К концу программного выступления стало ясно: речь идет об апокалипсисе.

– Так я вам и поверила, – пьяненько хихикнула Ковалева, когда Крутов обрисовал свой план по спасению городка. – Устройство ливневой канализации придумано наверняка для спасения вашего спортивного комплекса.

– И комплекса тоже, – Крутов недовольно поморщился, – но не только. И вообще, Валерия, мне не нравится ваш ангажированный тон. Вы почему-то настроены против меня.

– Пока я еще никак не настроена, а вот вы явно чего-то недоговариваете.

– Перед вами я как младенец – чист и наг.

– Не стоит устраивать стриптиз. Младенцу есть чем прикрыть наготу, у него солидный послужной список. Всех ваших шалостей я не помню, на слуху только некоторые. Но они производят впечатление. – Язык слегка заплетался, но мысли были ясными.

– Валерия Константиновна, вы меня разочаровываете. Это всего лишь сплетни, на которые так падки мои бывшие коллеги. Мне рекомендовали вас как беспристрастного журналиста. Не вынуждайте меня обращаться к вашему руководству и отменять наши договоренности.

– Флаг вам в руки, Василь Василич. – Коньяк придал Лере смелости и добавил такого дефицитного в ее организме легкомыслия.

– Не повторяйте банальности, вам это не к лицу, – холодно предупредил Крутов и забросил ногу на ногу.

– А вы не говорите со мной как с идиоткой.

– А вы не смейте со мной обращаться как с каким-то гопником! – повысил голос Крутов.

Ковалева опомнилась первой и уже хотела элегантно отыграть назад (в конце концов, она профессионал, а мужчина напротив – это ее гонорар), но Крутов, не меняя позы, хищно ощерился:

– Вы даже не представляете, как мне жаль, что мы не нашли общий язык.

Лера вспыхнула:

– Нашли! Василь Василич, я даже откровенничала с вами.

– Я не буду использовать эти сведения против вас, – жестко произнес Крутов. – Я вас не задерживаю.

В сравнении с этим чудовищем-депутатом даже Казимир выглядел душкой.

Хмель выветрился из головы Леры. Трясущимися руками она открыла сумку, достала кошелек и поднялась:

– Спасибо за обед, за коньяк, за экскурсию на болото. Надеюсь, это покроет ваши расходы. – Лера вытянула руку над столом и разжала пальцы. Пятитысячная купюра сделала сальто и мягко легла в плетенку с хлебом.

Ковалева успела заметить, как изменился в лице Крутов, и, не дожидаясь, пока поднаревший в боях политик применит тяжелую артиллерию, резво выскочила из заведения.

* * *

– Ты, мать, совсем спятила? – Бочарникова положила трубку и с вопросом в глазах уставилась на Ковалеву. – Я жду объяснений. Что там у вас произошло?

Ковалева с самым несчастным видом сидела на том же диване, что и утром.

– Не знаю, что на меня нашло. Я напомнила Крутову о махинациях, сказала, что не верю в его желание помочь гражданам...

– Тьфу ты черт. – Галина нервным движением вставила с рот сигарету, прикурила, сделала затяжку и постучала по столу латунной зажигалкой. – А он?

– А он заявил, что не задерживает меня.

– И все?

– Ну, я оставила на столике пять тысяч и удрала.

– Круто. Теперь придется эту дуру Маньку-практикантку посылать к нему.

– Галь, ты поняла, что сказала?

– А ты поняла, что сделала?

– Я думала, ты мне подруга, – упавшим голосом произнесла Лера.

– А я еще, знаешь ли, зам главного редактора. И кроме дружеских, у меня есть служебные обязанности.

– Ты можешь отправить к Крутову Мананку. Или кого-то из обозревателей. Или из социально-бытового отдела, – сама не веря в то, что говорит, заскулила Лера.

– К такому фактурному мужику, нашему партнеру – и грузинскую княжну? Шутишь?

– Ладно, проехали. Пока. – Предметы расплылись перед глазами.

Лера поднялась, на негнущихся ногах вышла от заместителя, ничего не видя вокруг, доплелась до своего кабинета. Почему все навалилось сразу: муж, машина, а теперь подруга?

– Валерия Константиновна, – на пороге стоял ответственный редактор Тихон Завьялов, – привет.

– Привет. – Лера тяжело вздохнула и спрятала в сумочку носовой платок.

– Мессалина говорила, что у тебя срочный материал?

В редакции Галку за резкость не любили и называли Мессалиной. Лера была категорически не согласна с оскорбительным ярлыком, прилепившимся к подруге.

– Галина, ты хотел сказать. Материал, Тихон Валерьевич, не состоялся.

– А что состоялось? – Завьялов присел на стул для посетителей.

– Есть черновик о всплывшей рыбе в нашем озере, и есть расследование об аварийных сбросах топлива с самолетов.

Тема аварийных сбросов топлива была горячей, но совершенно закрытой. Летуны футболили Ковалеву к начальству, начальство кивало на высокое руководство, руководство выражалось обтекаемыми фразами, факты приходилось вылавливать по крупницам. В курилке управления, куда Лера проникла под видом новой секретарши, она узнала, что за

месяц топливо в верхние слои атмосферы распылили два «боинга» и один Ил. Верхние-то верхние, но в зоне сброса, оказавшейся над дачными участками, на огородах одномоментно погиб будущий урожай. Еще бы. Шестьдесят две тонны керосина – не комар чихнул.

– Давай про авиацию, так даже лучше, – подумав, разрешил Тихон. – У меня там неплохая подборка получается. Только давай в темпе.

Хрустнув суставами, Тихон поднялся со стула и неслышно прикрыл за собой дверь.

Лера уже принялась за расследование с выбросами, но вспомнила, что кандидат биологических наук Володя Душков в мае должен был закончить какие-то уникальные наблюдения за городскими птицами, и быстро набрала лабораторию академического института. Ей повезло, Душков был на месте и даже сам подошел к телефону – еще одно маленькое, но приятное совпадение.

– Здравствуйте, Владимир. Это Ковалева.

– Здравствуйте, Валерия Константиновна.

– Что так официально? – Лера была знакома с Душковым лет десять.

– Нет, что вы. Рад слышать.

– Как ваша работа?

– Систематизирую.

– Не поделитесь выводами?

– Конечно, приезжайте.

Они договорились о встрече, и Лера хотела вернуться к авиации, но сразу как-то не вышло, мыслительный процесс вновь споткнулся о разрыв с Казимиром, размолвку с Бочарниковой и стычку с депутатом. Сосредоточиться удалось с трудом, и то после убойной дозы кофе.

Поставив точку в расследовании, Лера посмотрела на часы. Девятый час! Гори все синим пламенем, сейчас она получит от Тихона нагоняй. Не желая подвергать свою психику новым испытаниям, Лера скопировала файл и отправила Тихону по электронной почте.

Выключила компьютер, испытывая то редкое чувство удовлетворения, которое наступает после отлично выполненной работы, быстро собрала сумку, набросила курточку и высунулась в коридор – никого. Повезло в третий раз, а три маленькие удачи компенсируют один большой провал, значит, сказала себе Лера, самовлюбленного раскрасавца Крутова в расчет можно не принимать.

* * *

Выполняя мамины поручения и заказы, утро Лера провела в бегах, на дачу ехала на такси и всю дорогу в деревню подсчитывала, во что ей обошлась экспедиция. То, о чем раньше Лера не задумывалась, сегодня вызвало шок: поездка пробила в бюджете серьезную брешь.

Нора Максимовна выражала протест старости обтягивающими майками всех оттенков фуксии и джинсами в духе хиппи. Лоб Норы Максимовны украшала скрученная жгутом, освежающая цвет лица яркая косынка кораллово-лилового цвета, кокетливо повязанный узел располагался над ухом. В облике матушки было что-то от корсара.

Соперничество, которое она вела с единственной дочерью всю сознательную жизнь, не прекратилось даже с уходом на пенсию.

– Привет. – Лера привычно ткнулась в провисшую щечку. – Ма, ты прекрасно выглядишь. – Дочерний долг был выполнен: продукты привезены, комплименты произнесены.

– Откуда ты? Ты не на работе? Что-то случилось? – Нора Максимовна изучала лицо дочери.

– Ма, я ушла от Казимира и пока перебралась к тебе.

Нора Максимовна выдержала паузу и сняла очки:

– Лера, в семье всякое бывает. Может, еще все утрясется?

– Это вряд ли.

– Дело твое. Только...

– Что, ма?

Нора Максимовна вернула очки на место и сделала рукой неопределенный жест:

– Да так. До октября еще куча времени.

Понятно. Матушка не испытывает восторга от перспективы жить под одной крышей со взрослой дочерью и надеется, что вопрос с жил площадью за лето решится.

– Где твоя машина? – заглядывая в пакеты, поинтересовалась Нора Максимовна.

– Машину я разбила, – сообщила Лера и тут же обозвала себя дважды душой: за то, что разбила машину, и за то, что сказала об этом маме.

– Как?! – Развод дочери произвел меньший эффект, чем новость о машине. Нора Максимовна потеряла интерес к пакетам. – И как же ты теперь?

Вопрос был далеко не праздным: дачный участок был отдан на откуп цветам, и всеми продуктами Нору Максимовну снабжали дочь с мужем.

– Как сегодня. – Лера неопределенно пожала плечами.

– Скажи, какие перспективы у тебя с работой?

– Не знаю, – искренне сказала Лера.

– Я не удивлена, – заявила Нора Максимовна, – что ты осталась у разбитого корыта. Ни работы, ни денег, ни детей в тридцать пять лет. Долго думала, дорогая моя. Раньше надо было с ним рвать или терпеть уже до конца.

Норе Максимовне казалось, что, если испортить дочери настроение, она изменится и возьмет судьбу в свои руки.

Ничего, кроме раздражения, эти псевдопсихологические экзерсисы не вызывали. Лера рассердилась:

– Ну откуда ты знаешь?

– Поживи с мое. – В тоне Норы Максимовны Лере слышались отголоски их давних ссор.

Неспособность дочери к действию, привычку прятаться от жизни Нора Максимовна называла инфантильностью и винила в этом Лериного отца – своего мужа, после смерти которого перестала критиковать дочь, хотя дух соперничества не утратила.

– Откуда у тебя эта вещица? – отвлеклась на длинную льняную Лерину юбку мама.

– Это с прошлого года. Не помнишь?

– Не помню. По-моему, мне пойдет такая.

– Хочешь, забирай себе.

Эта традиционная фраза сопровождала почти все набеги на гардероб дочери, заканчивающиеся актом дарения. Как обычно, Лера почти сразу выбросила белый флаг, только на этот раз мама почему-то оскорбилась:

– Ну, у тебя не та ситуация, чтобы раздаривать одежду.

После мятного чая Леру сморило, обратный путь в электричке пугал сложностью: тащиться неизвестно сколько, потом добираться с вокзала на маршрутке или на троллейбусе. Раньше двенадцати домой она не попадет. Бр-р.

– Ма, я, пожалуй, переночую здесь.

– А как же работа?

– У меня отгулы. – Хоть здесь хватило ума соврать.

– Господи, конечно, оставайся, – захлопотала Нора Максимовна. – Сейчас дам тебе постель.

Лера усилием заставила себя подняться, собрала на поднос посуду и понесла на кухню.

Деревенские звуки, так отличающиеся от городских, действовали умиротворяюще, примиряли с жизнью. Ногастая Манька Чижевская, рукастый Казимир и глазастые коллеги стали казаться призраками.

Лера умылась, переделалась в старенький халат, включила «Раптор» и вытянулась на постели. Ее тут же затянуло в сон, хотя она слышала, как стучит посуда, хлопает дверь в спальню и шуршат привезенные пакеты.

Проснувшись Лера от маминого голоса:

– Казимир, как бы я к тебе ни относилась, я молчала и никогда тебя не выдавала. Теперь у меня руки развязаны, и я скажу тебе то, что хотела сказать давно: ты дерьмо. Если ты добровольно не согласен делить все поровну, я найму лучшего адвоката, и ты все отдашь. И все твои заходы налево я тебе припомню в суде.

До конца ночи Лера ворочалась с боку на бок и заснула только под утро, когда серый рассвет потревожил ворчливый воробей.

В тот же день Крутов призвал Леночку к ответу за пассаж с корреспондентом.

– Объясни, почему именно Ковалева? – потребовал отчета Василий Васильевич.

Леночка не боялась шефа, ибо шеф был:

а) старинным другом отца, а также ее крестным, и она помнила дядю Васю сколько себя;

б) вспыльчив, но отходчив. Это Леночка усвоила с первых же дней работы. Задание с сборком она выполнила на «отлично», в этом Леночка не сомневалась.

– Потому что Ковалева заведомо экономики, и тема природы – ее тема, – отрапортовала она.

Крутов молча ждал продолжения и приглядывался к помощнице.

К Леночке нужно было привыкнуть – девушка пугала новичка несуразностью и отсутствием пропорций. Высокая, с большой головой на короткой шее, с неразвитыми плечами и тяжелым низом. Во всем ее облике было много «но». Только высокий, упрямый лоб был в полном согласии с содержимым черепной коробки.

– Василь Василич, вы меня не слушаете, – обиделась Леночка.

Пойманный на месте преступления, Крутов покачал головой:

– Ты меня не перестаешь пугать. Зачем девушке столько мозгов?

– Чтобы держать окружающих в тонусе.

– Выскочила бы замуж, как все приличные барышни, внуков Диме нарожала бы, а ты все растешь над собой, – на правах друга семьи Крутов иногда позволял себе сентенции в духе домостроя, – и все умнее и умнее делаешься. Не знаю, кому это понравится.

– Кому не помешает, тому и понравится, – обнадежила шефа Леночка.

– А почему ты Ковалевой не предложила нашу машину, если такая умная?

– Так вы же сами отослали Владика с поручением, потом он обедал, а после обеда поехал за вами в администрацию.

Все было истинной правдой, Влада он сам откомандировал в помощь домработнице Игнатьевне, но почему-то именно этот факт и рассердил Крутова.

– Надо было что-нибудь придумать, – недовольно проворчал он.

– Самой сесть за руль?

– Как вариант.

– Учту, – буркнула Леночка. Не ценит ее шеф. Она всю себя без остатка отдает работе, опекает его, отвечает за его безопасность, для чего тайно установила систему записи разговоров в приемной (мало ли чего, столько маньяков развелось, шантажистов и просто психов), от личной жизни отказалась ради карьеры, помощником депутата уже стала, а взамен одно недовольство и никакого уважения.

– Ты только по бумагам мой помощник. На самом деле ты референт, – будто подслушав мысли Леночки, расставил точки над «і» шеф.

– Вам когда надо – я референт, когда не надо – помощница, – укорила шефа Леночка.

– Значит, ты ведешь себя так, что вынуждаешь меня напоминать тебе об этом.

– Да как? – Леночка приготовилась зареветь. – Я уже не знаю, как себя вести. Стараюсь, стараюсь...

– Надо включать воображение. – Гуманитарное образование – вот откуда эта мучительная неудовлетворенность. В кресле депутата захолустного Законодательного собрания Крутову не хватало масштаба, разнообразия, креатива, он злился на девушку, прекрасно понимая, что сам не знает, чего хочет. Заниматься проектированием новых оранжевых политехнологий? Или бархатных революций?

Нет, знает. Он хочет, чтобы этой мути на душе от ссоры с собкором Валерией Ковалевой не было. И чтобы самой ссоры не было. Чтобы сероглазая, мягкая (но не аморфная), обволакивающая Валерия сейчас сидела в его кабинете вместо Леночки, задавала свои вопросы, отмечала что-то в блокноте, перебирала письма старожилов Черемушек, а он бы пил кофе (ладно, ладно, зеленый чай) и заглядывался на ровный пробор и выбившуюся из пучка прядь темно-русых волос. Ах, какие у нее тонкие, музыкальные пальцы, у этой журналистки, какая нежная кожа...

– Кофе, что ли, сделай, – вздохнул Крутов. Эх его разбирает...

– Лучше зеленый чай.

– Чем лучше-то? Точно так же поднимает давление, – вредничал Крутов.

Леночка полуприкрыла веки и закатила глаза – определенно шеф решил сегодня известить ее.

– Мое дело петушиное – прокукарекать, а там хоть не рассветай. – Леночка любила редкие словечки и забубенистые выражения.

Оставив шефа с недоуменно поднятыми бровями, помощница победительницей вышла из кабинета. Отомстила за наезд.

Спрашивается, зачем расстроил девочку? Девочка росла без матери, а он, дурак, срысывается на сироте.

Характер портится, скоро станет старым и ворчливым. Сорок два – неужели старость? От неприятной мысли Крутов ощутил беспокойство. Нет, не может быть. Ни-за-что.

Он так просто не дастся. Он фактически уже находится на пути к вечной молодости – даже бросил курить! Он будет сопротивляться, бегать, увеличивать нагрузку на тренажерах, пить свежесжатый сок, скажет Игнатьевне, чтобы выбросила сковородки, по примеру Жириновского обзаведется пароваркой, перейдет на овощи и будет пить витамины, улучшающие мозговое кровообращение. И ни капли алкоголя... Нет, пожалуй, это перебор. Вино – молодость стариков. Так что сухое красное он себе позволит.

Набросав перспективный план на ближайшие тридцать лет, Крутов углубился в работу и, когда Леночка поставила ему под нос чашку с чаем, прорычал:

– Я занят!

– Василь Василич, я вам не прислуга, – поджала губки Леночка.

– Прости. – Крутов виновато заморгал. – На строение испортила мне эта Ковалева. Прости.

– Ну так бы и сказали, – выдохнула с облегчением Леночка. – Я-то думаю, что с вами та кое, как подменили человека. Она что, не приехала?

– Лучше б не приехала.

– Тогда что? – Леночка присела сбоку от стола и ждала объяснений.

Поддавшись настроению, Крутов рассказал, как все было.

Слушая шефа, Леночка достала из принтера чистый лист, вынула из органайзера остро отточенный карандаш и с самым серьезным видом делала какие-то пометки, а когда Крутов замолчал, пообещала:

- Наведу справки об этой Ковалевой. Какие на ее счет будут указания?
- Какие указания? – растерялся Крутов.
- Создать невыносимые условия для работы, или для жизни, или для всего сразу? –

Леночка смотрела на Крутова без тени улыбки.

- Леночка, у тебя с головой все в порядке? – усомнился шеф.
- А зачем тогда вы мне жаловались? – стебалась Леночка.
- Я делился, а не жаловался. – Помощница своим чувством юмора не раз сбивала Кру-

това с толку.

- А есть разница?
- Конечно.
- Какая, интересно?
- Когда человек делится, он снимает тяжесть с души.
- А когда жалуется?
- Я не жаловался, – повысил голос Василий Васильевич, – и не надо передергивать.
- Да побойтесь Бога, Василь Василич, кто это передергивает? Я стараюсь, стараюсь, –

завела волюнку помощница, – а жалуется вы, между прочим, от недостатка внимания. Вы бы женились, дядя Вася.

Крутов с досадой хлопнул ладонью по пакету документов. Логика у Леночки какая-то своеобразная, наизнанку.

- Не надо быть такой старательной, – попросил Крутов.
- Вам не угодишь.
- Не надо мне угождать!
- А что надо?

Василий Васильевич задумался.

Не только ради старинного друга он терпел Леночку. Он терпел Леночку ради нее самой. Она была на своем месте. Несмотря на молодость и своеобразное чувство юмора, никогда ничего не теряла и не путала. Могла запросто набросать план выступления перед любой аудиторией. Делала подборку материалов, когда Крутов готовился выступать перед коллегами. Виртуозно собирала компроматы. Организовывала встречи с избирателями, покупала билеты, бронировала номера в гостиницах, отслеживала рейтинги. Что еще? Еще... держала в тоне недевической проницательностью.

– Найди середину, не впадай в крайности, – наконец посоветовал Крутов и вернулся к бумагам.

Леночка бесшумно (еще одно достоинство) закрыла за собой дверь, но настроение у Василия пропало окончательно. Все из-за Ковалевой с ее этим степным пряным духом.

На летучке, куда Лера шла в страхе и сомнении, подтвердились ее самые мрачные ожидания: Казимир развязал позиционную войну.

Причем избрал самый недостойный способ – месть через профессию.

Хотя разве месть бывает достойной? Если только у мушкетеров, но Валерия мушкетером не была, да и Казик не тянул ни на одного из бравой четверки.

Поначалу все шло как обычно.

Из закутка за шкафом Лера вполуха слушала обзор Гоши Ломакина за неделю. Дежурный критик из Гоши был слабенький, он попенял на «грехи, грешки, грехоиды», ограничился мягким выговором в адрес молодых корреспондентов и указал корректорам на пропущенные ошибки.

Едва Гоша замолчал, все зашевелились, собираясь расползтись по отделам и начать уже как-нибудь трудовую неделю, и Лера уже сдвинулась на краешек стула и подалась вперед, рассматривая туфли. Туфли были, безусловно, хороши – черные, на невысокой шпильке, удобные и легкие. С джинсами можно носить, с брюками, с юбкой – находка, а не туфли.

Голос главного редактора Дворяниновича настиг Леру и оторвал от созерцания туфель:

– Прошу внимания. Валерия Константиновна, вы хотите, чтобы газету привлекли к суду за ложь и клевету?

Валерия подняла растерянное лицо и едва удержалась, чтобы не ахнуть – в суженных зрачках Казика плавала жгучая ненависть.

Как ни готовилась Лера к открытому конфликту с мужем, все равно оказалась совершенно не готова.

– Прости?... Простите? – Оттого, что назвала мужа на «ты», Лера совсем потерялась.

Казимир злобно фыркнул:

– И нечего прикидываться казанской сиротой. Какое право вы имели делать выводы о влиянии авиационного керосина на саженцы томатов? Авиационным керосином, между прочим, ангины лечат знающие люди, а использование непроверенной информации карается законом. Всех касается, – обвел он начальственным взглядом присутствующих, – а то возбуждаетесь от непроверенных фактов и залепуху подсовываете вместо материала. Любого другого за такой финт уволил бы без выходного пособия, а вас, Валерия Константиновна, предупреждаю: еще раз подсунете лажу, положите на стол заявление. Вас в желтой газетенке с руками оторвут.

Лера никогда не умела защищаться и в этот раз даже не попыталась. Залепуха и лажа? Что за бред? И никаких выводов она не делала, предположила только, на что имеет полное право. Кстати, и о том, что пора исследовать проблему, тоже сказала... И что за мода выражаться как тинейджер? А еще учил ее...

Лера услышала, как задвигали стулья ми коллеги, но подняться не могла, упорно смотрела на свои туфли и оставалась на месте, пока последний юркий молодой человек (Лера не могла вспомнить, из какого отдела) не спросил:

– Валерия Константиновна, вы сами закроете кабинет?

– Да, закрою, – вяло кивнула она.

Что теперь делать? Куда податься? В конкурирующее издание? Надо было сразу же это сделать, а не поддаваться уговорам Бочарниковой.

«Ой, да при чем здесь Галка, – упрекнула себя Лера, – просто тебе самой страшно рвать с газетой, в которой ты выросла как журналист».

В журналистику Валерия Ковалева вляпалась из-за мужа.

В университете они учились на разных факультетах – он на журфаке, она на филфаке, и, как говорится, ничто не предвещало...

Встретились они с Казимиром на какой-то студенческой вечеринке.

Казик бредил репортерством, и Лера попала под романтическое влияние этих бредней: опомниться не успела, как написала первый очерк – о многодетной семье. Вышло трогательно, редактору очерк понравился, Лере предложили сотрудничество, но до самых госэкзаменов она была уверена, что серьезного романа с журналистикой не получится.

Романа, кстати, получилось сразу два – с Дворяниновичем и с «Ведомостями».

С того самого первого очерка Казимир выступал в роли гуру, обожал давить авторитетом. Леру убивала беспощадная критика мужа, руки опускались, она никла и потом долго приходила в себя, за что и получила позывной «клуша».

Если бы не поддержка главного редактора «Ведомостей», Сергея Ивановича Чудиновых, Лера бы поставила крест на журналистике.

Чудиновских как-то очень быстро понял расстановку сил в их семейном союзе и для начала отправил Леру на курсы повышения квалификации.

Потом начались командировки, где Лера находила таких людей, что плохо о них писать не получалось. При этом корреспондент Ковалева ни с кем не боролась и меньше всего думала о том, что журналистика – четвертая власть, о чем, кстати сказать, ежеминутно помнил Казик. Валерия просто писала о том, что ей было интересно, – о людях.

И по сей день муж оставался главным экспертом-оценщиком Лериных работ.

Всякий раз, сдавая Завьялову заметку, статью, очерк или интервью, Ковалева волновалась, как в студенчестве, зная, что дома ее ждет разбор полетов.

Сейчас, когда Валерия переехала к маме, у Казимира был только один способ высказать свое мнение – на летучке.

«Станет он гнобить меня при всех или постесняется?» – спрашивала себя Лера перед летучкой. «Неужели он это сделал?» – спрашивала она себя после.

По сути, любые наезды со стороны Казика можно было смело отнести на счет уязвленного самолюбия: муж стоял на коленях, просил остаться, а она ушла.

Но ведь кроме них двоих никто этого не видел. Да и просил Казимир как-то не очень убедительно, и сама просьба скорее напоминала шантаж.

– Сидишь? – Галка приземлилась на соседний стул. – И что теперь? Уволишься?

– Я не знаю, что делать, – честно призналась Лера, забыв про свою обиду на подругу. – Как ты думаешь, он даст мне работать?

– Может, ты пойдешь к нему, помиришься? Правда, я слышала...

– Что?

– Да так. – Галина поднялась со стула. – Пошли, что ли?

– Нет, ну кто так делает? Начала, так уже говори. – Лера поймала Галину за руку.

Бочарникова замялась:

– Да говорят, они сегодня приехали вместе на работу...

Ноги подкосились, в трагическом молчании Лера снова опустилась на стул.

– Нет, он не может так поступить со мной, – отчаянно борясь со слезами, забормотала она, – ведь это не я ему изменила, а он мне. И это просто не по-человечески.

– Сволочь, – злобно прошипела Галка. – Давай закатимся куда-нибудь и напьемся до положения риз?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.